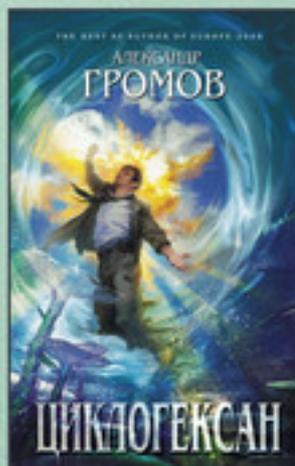
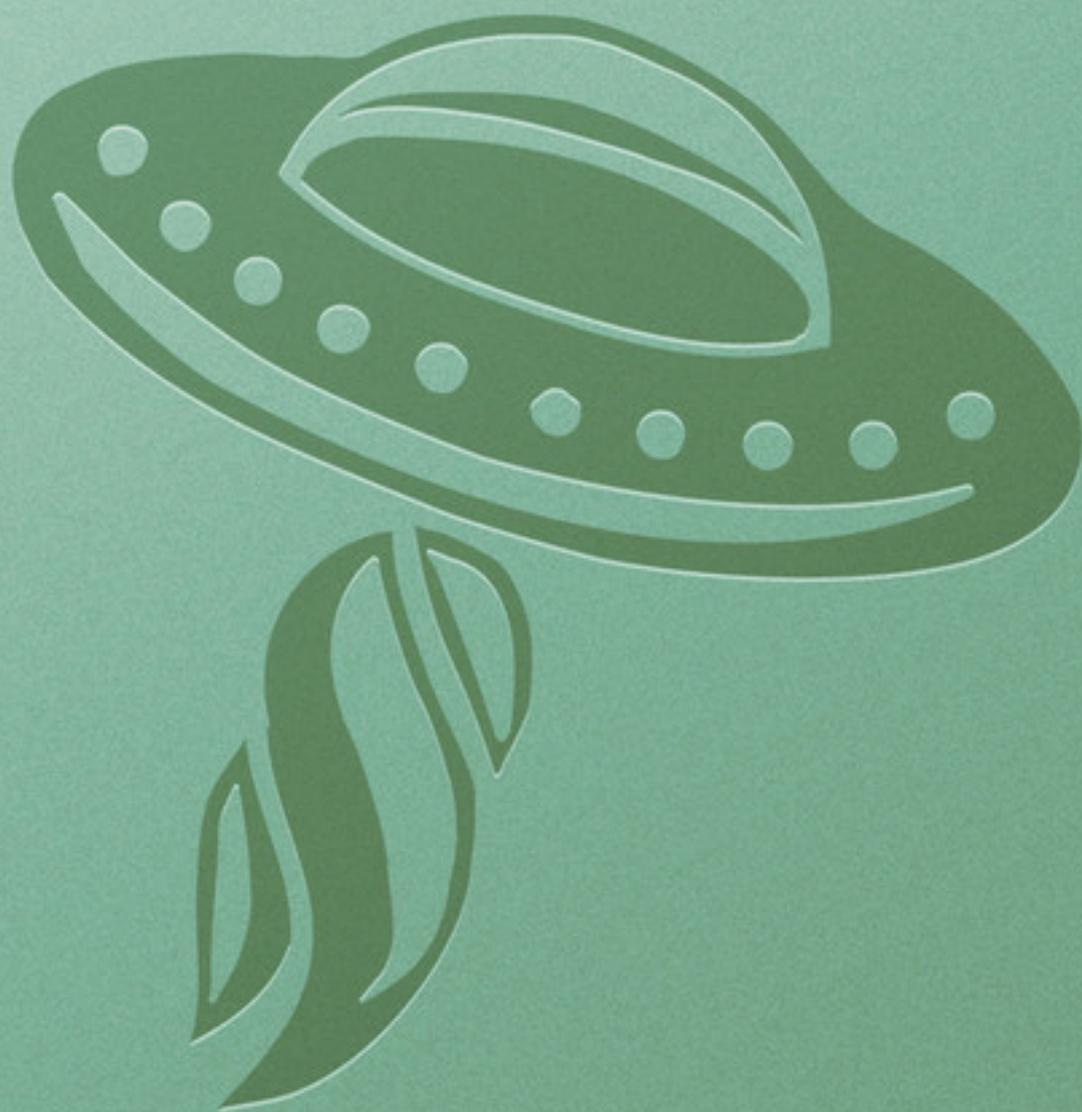

Александр Громов

Вопрос права

*Часть сборника
Циклогексан (сборник)*

Александр Громов

Вопрос права

«ЭКСМО»

1995

Громов А. Н.

Вопрос права / А. Н. Громов — «Эксмо», 1995

ISBN 978-5-425-00817-6

«Завтра меня будут судить. Нет, я не виновен, во всяком случае, таковым себя не считаю. Дело за малым – чтобы таковым меня не сочли присяжные. У них будет трудная задача, и я им заранее сочувствую. Впрочем, завтра будет видно, кому в действительности пригодится сочувствие. Боюсь, что мне. И истец, я уверен, не пожалеет слов для того, чтобы обрисовать мои им же вынужденные поступки в самом черном и невыгодном для меня свете. Он взбешен и жаждет мщения, сладострастно потирая руки...»

ISBN 978-5-425-00817-6

© Громов А. Н., 1995

© Эксмо, 1995

Александр Громов

Вопрос права

Завтра меня будут судить.

Нет, я не виновен, во всяком случае, таковым себя не считаю. Дело за малым – чтобы таковым меня не сочли присяжные. У них будет трудная задача, и я им заранее сочувствую. Впрочем, завтра будет видно, кому в действительности пригодится сочувствие. Боюсь, что мне. И истец, я уверен, не пожалеет слов для того, чтобы обрисовать мои им же вынужденные поступки в самом черном и невыгодном для меня свете. Он взбешен и жаждет мщения, сладострастно потирая руки.

Пусть. У меня еще есть надежда: в сущности, ведь не доказано, что я совершил преступление. И может быть, то, что я собрался написать, как-то поможет делу? А что, это, пожалуй, идея. Оратор из меня никакой, чего доброго, начну невразумительно мямлить, когда судья спросит меня о мотивах, – но если мне удастся выразить на бумаге хотя бы десятую часть того, что мне пришлось пережить, весы Фемиды должны дрогнуть. Обязаны. У меня, как и у всякого другого, есть право давать показания в письменном виде.

Приговор? Не думаю, что он будет очень уж суров – вероятно, лишение какого-либо гарантированного права на более или менее продолжительный срок. Какого? – вот вопрос.

Права на жизнь? Разумеется, нет: никакой суд не правомочен решать такие вопросы, будь я хоть трижды убийцей. Не Средние века. К тому же, я никого не убивал. Это меня чуть не убили.

Права на общество себе подобных? Не смешите меня. Это не наказание, а благо. От себе подобных только и жди какой-нибудь пакости или нечуткости – нет, не ко мне лично, это бы еще полбеды, – а к делу, которому я посвятил большую и лучшую часть своей жизни. Делу! – а не общению с субъектами вроде моего истца.

И далее – в том же духе, по перечню гарантированных прав. Решительно не возьму в толк, как суду удастся решить главную свою задачу: заставить преступника раскаяться? Во-первых, я не считаю себя преступником и не постесняюсь заявить об этом во весь голос, а во-вторых, не раскаиваюсь и раскаиваться не собираюсь. Уверен: всякий на моем месте поступил бы точно так же. Если не хуже.

И все-таки я кривлю душой. Есть, есть одно право, лишения которого я смертельно боюсь... Черт, что за плоское слово – «боюсь»? Совершенно не отражает сути моего состояния. Страшусь? Бр-р... Ужасаюсь? Еще того хуже. Нужного слова нет. Но эпитет «смертельно» верен, потому что отнять у меня это право – все равно что отнять право на жизнь. Не менее.

Я вам скажу, какое это право, все равно ведь догадаетесь рано или поздно. Но постарайтесь не смеяться. И уж тем более не нужно меня жалеть, жалости я не терплю. Откройте перечень гарантированных прав и прочтите на странице пятой под номером двадцать семь: «Право на время, материалы и условия, необходимые для занятия деятельностью, не представляющей угрозы для человечества и выполняемой в свободное от основного труда время». Витиевато, но исчерпывающе. Некоторые называют это правом на хобби.

Ну вот, еще одно идиотское слово.

Чахлое растеньице неопределенного цвета, конус ломких листьев, окружающих хилый стебель с единственной почкой наверху, из которой, может быть, лет через пять разовьется вялый скомканный цветок. А может быть, и не разовьется. Природа решила пошутить, отпустив растению долгий тепличный век и очень мало жизни. Росток до того слаб, что трудно понять, как он вообще способен выбраться из земли, – но он все же выбирается, похоже,

только затем, чтобы печально продемонстрировать миру свою бледную немощь. Это, с точки зрения профана, и есть конусоид остролистый, привередливый гость, завезенный из невообразимой дали будто специально для того, чтобы людям вроде меня было чем заняться.

Выращивать конусоиды – дело почти безнадежное, а если за это берется простой любитель, то безнадежное втрое. В девяносто восьми случаях из ста он разорится на рассаде, ничего не добившись, а если не разорится, значит, он либо очень состоятельный человек, либо плохой любитель. Удачи редки. И если любителю удалось-таки взрастить, да еще в обыкновенных цветочных горшках, пару кривоватых росточков, годных для высаживания в грунт, то этот любитель вправе преисполниться любой степени самодовольства, включая сочинение од и мадригалов в свою честь. Другой пользы от конусоидов нет и не предвидится. Зато счастливый обладатель проросшего уника отныне обречен на плохой сон и скверный аппетит. Он отложит деловые встречи и отменит самое необходимое, чтобы иметь возможность лишней раз подышать над росточком или поэкспериментировать с новым видом питательной смеси. Если любитель человек увлекающийся, он потерял для общества навсегда. Это маньяк. Он одержим стремлением познакомить мир с принадлежащим ему чудом. Если ему удастся затащить к себе какого-нибудь простака, он благоговейно указывает перстом на цветочный горшок и тут же, наслаждаясь и мучаясь одновременно, шипит на гостя, подошедшего к растению слишком близко. Друзья к нему не ходят. Широкие слои общественности, к сожалению, прискорбно равнодушны к вопросу акклиматизации конусоидов на Земле. Остается одно: стучаться в двери ботанических институтов и селекционных центров во всей обитаемой Вселенной и регистрировать свои ростки под разными номерами в надежде когда-нибудь встретить свое имя в почтенном академическом каталоге. И вот он гордо ступает на борт космического лайнера и дерзит помощнику капитана, категорически отказываясь сдать свои горшки в багаж под надзор киберов. Дрожа за судьбу своих питомцев, он неуклонно движется к розовой мечте – не к славе, нет, слава ему не нужна, – а только к признанию своих усилий и трудов, поистине титанических. Это смешно, скажут многие. Что же тут смешного, достойно отвечу я, если человек определил цель и смысл своей жизни?

Итак, горшки пристроены в каюте, разбитый в пух и прах помощник капитана уходит искать, на ком бы сорвать злость, а вдохновенный любитель даже еще не осознал своей победы. Ему сейчас не до подобных мелочей: ведь предстоит старт, затем маневры корабля, затем разгон – и все это время на хрупкие ростки будут действовать совершенно недопустимые перегрузки. Но истинный любитель охотнее выдержит взлетные четыре «же», стоя посреди каюты со штангой на плечах, чем позволит росткам ощутить хотя бы малейший дискомфорт.

Левитационная ванночка спасает дело. Они безумно дорогие, эти ванночки, и вдобавок весьма далекие от совершенства, с точки зрения конусоидоводов, – их применяют главным образом для доставки трансплантируемых органов на слабо развитые планеты – и тем не менее именно ванночка дает ростку неплохой шанс выжить в полете. Между прочим: если вам когда-нибудь встретится любитель конусоидов, не имеющий левитационной ванночки, плюньте ему в лицо: он либо шарлатан, либо вандал, не заслуживающий права называться подлинным любителем.

С такими я не желаю иметь ничего общего.

Всякий нормальный человек проводит во сне третью часть жизни. Любитель конусоидов – меньше. В глубине души он уверен, что, если с ростками случится самое худшее, это произойдет именно во время его сна. На ночь его мучают скверные предчувствия, а снятся ему кошмары. Нет, я отнюдь не ручаюсь, что с каждым любителем дело обстоит именно так, и не претендую на полноту картины. Не взыщите, я всего лишь описал свои личные ощущения.

Кошмар прервался на середине, и я понял, что проснулся. Выла сирена, и кровать ходила ходуном, так что моя голова скакала по подушке, а ноги, продетые в пижамные брюки, от каждого толчка взлетали к потолку каюты. Спросонья я туго соображал и для начала попытался перевернуться на другой бок, чтобы досмотреть, чем там кончилось дело, но подлая конструкция, послушная программе побудки, накренилась и вывалила меня на пол, да так, что горшки с конусоидами, стоящие рядом на журнальном столике, вздрогнули и угрожающе закачались. Я осатанел. Когда я с облегчением убедился, что ростки целы, первым моим желанием было содрать с мгновенно присмирившей кровати одеяло и устроиться доспать на полу, заткнув уши, чтобы не слышать воя сирены. Знаю я эти штучки. Один-два раза за время рейса на любом пассажирском корабле принято устраивать учебную метеоритную тревогу, причем, как правило, в ночные часы. Дань традиции замшелых времен, когда на трассах еще можно было встретить метеорит, способный пробить броню лайнера. Теперь такие реликты давно выбиты, а традиция будить людей осталась – с кровати спихнули, и сирена вот воеет.

Традиция в космосе почти закон, а законы отличаются одним свойством: их необязательно чтить, над ними можно смеяться, их можно даже не знать, но соблюдать их нужно. Поэтому я ворчливо оделся, вышел в коридор и стал искать ближайший спасательный вельбот. В коридоре было пусто, и я сперва, вообразив, что все пассажиры уже успели занять свои места, даже припустил рысцей, но тут из-за двери семейной каюты донеслось приглушенное сиреной сонное бормотание и довольно явственный смешок. Разумеется, там и не думали сломя голову бежать спасаться, а скромно и терпеливо ждали отбоя тревоги и, позевывая, проверяли, не перестали ли уже взбрыкивать кровати. Проклиная свое законопослушание, я доплелся до первого из двух пристыкованных к нашей палубе вельботов и дернул ручку люка. Пусто. Один я такой ненормальный. Ладно, решил я. Посмотрю во втором и пойду спать. По крайней мере упрекнуть меня будет не в чем.

...Он набежал на меня прямо в пижаме, суетливый пухленький человечек с трясущимся брюшком навывпуск, потный и растерзанный, прижимающий к боку большой портфель. На его лице было написано отчаяние. Трудно запомнить всех пассажиров, особенно с других палуб, но этого я узнал: видел на смотровой площадке и в ресторане. Наверное, бедняга сразу, еще не до конца проснувшись, кинулся искать вельбот и заблудился. Помнится, глядя на него, я подумал, что нечего так бегать, если не умеешь справиться с одышкой. И еще с удовлетворением отметил, что существуют люди еще более ненормальные, чем я сам.

Мысль мелкая, тщеславная. Но, как вскоре выяснилось, настолько справедливая, что даже как-то неловко называть ее просто мыслью. Голая Истина.

– Вы – что? – спросил я строго.

Вместо ответа человечек отпихнул меня в сторону и полез в люк вельбота. На него было жутко смотреть.

Стоит мне в самой спокойной и унылой обстановке увидеть смертельно перепуганного человека, как я, вместо того чтобы его высмеять, сам начинаю нервничать. Наверное, это оттого, что смертельно перепуганных людей мне в жизни доводилось видеть очень уж мало.

Захлопнувшийся было люк распахнулся рывком. На меня уставились налитые ужасом глаза. В них было все: свист воздуха, уносимого в пространство через рваную пробоину, грохот осыпающихся переборок, визг осколков в тумане конденсата и самое страшное: океан жидкого огня из пробитого двигателя, врывающийся в жилые отсеки... Мне стало не по себе.

– Ну что же вы! – закричал он, чуть не плача. – Лезьте же!

По его залысынам сбегали крупные капли пота.

И я, представьте, чуть было не полез в этот люк. До сих пор не могу вспомнить об этом без стыда. Я совсем забыл о своих ростках, на одну секунду – но забыл!

– Стойте! – закричал я, опомнясь. – Подождите меня! Мне необходимо вернуться в каюту. Я мигом! Ждите меня где-е-есь!..

Последнюю фразу я выпалил уже на бегу. Она-то меня и погубила.

– Вы с ума сошли! – завопил человечек мне вслед. – Через полминуты будет поздно, слышите! Да остановитесь же вы, кретин!..

Я его не слушал. Полминуты! У меня оставалось только полминуты, и я должен был успеть спасти свои ростки. Я несся по коридору гигантскими прыжками. Какое счастье, что перед сном мне пришла в голову спасительная мысль навинтить на горшки с конусоидами защитные колпаки! Если бы я этого не сделал, можно было бы никуда не бежать: ростки были бы обречены. Никогда бы себе не простил.

Между прочим, следовало подумать еще и о людях. По-прежнему не умолкала сирена, и по-прежнему в коридоре, ведущем к спасательным вельботам, не было ни души. Никто не желал спастись. Мирные пассажиры, недовольные тем, что кто-то так не вовремя прервал их сон, уверенно полагающие ночную побудку обыкновенной учебной тревогой... и не без основания. По статистике, в пассажирских рейсах на десять тысяч учебных тревог приходится одна настоящая – так зачем же куда-то спешить? Вот потому-то число жертв в космосе растет, а не уменьшается, несмотря ни на какие тревоги, и неудивительно.

Теряя драгоценное время, я тормозил возле дверей кают – одна дверь, другая, третья... Черт знает, сколько здесь кают! Я колотил в двери что было сил. Я кричал: «Спасайтесь! Да проснитесь же!! Тревога!!!» Я зря терял время. Из первой каюты мне сквозь дверь весело пожелали спокойной ночи, из второй доносился тяжелый храп, а невидимый, но крайне раздраженный обитатель третьей каюты грубым голосом послал меня поискать точное место Большого Взрыва, найти его и там остаться. Эти идиоты ничуть не верили в самую возможность катастрофы; чтобы их спасти, потребовалось бы каждого брать за шиворот и тащить к вельботу, а спасаемый еще упирался бы.

К черту! Я не склонен мешать самоубийцам – в конце концов, это их право. Но мне умирать еще рано, и я должен спасти свои ростки, плод трудов, мук и терзаний многих лет. Ростки должны уцелеть во что бы то ни стало.

Вот они! Сгибаясь под тяжестью бесценного груза, я бежал назад к вельботу. Мне казалось, что воздух внутри корабля стал разреженным, и я дышал с хрипом, судорожно разевая рот, и все никак не мог поймать достаточно воздуха. Сообщения о разгерметизации не поступало, но на терпящем бедствие лайнере возможно всякое. Следовало спешить. Скорее!

Как мне хватило рук, чтобы за один заход унести самое главное – о том отдельный разговор. Кое-что, конечно, пришлось бросить. Бедные ростки под прозрачными колпаками дрожали при каждом прыжке, и у меня сжималось сердце, но я не мог при всем желании уделить горшкам больше одной руки, а другой рукой я прижимал к себе левитационную ванночку, наспех набитую баллончиками со стимуляторами и питательной смесью для ростков, рукописный дневник наблюдений и усовершенствованный мною биотестер. Между прочим, левитационная ванночка только называется ванночкой, а вы попробуйте удержать ее одной рукой. Ванна! Сорок один килограмм чистого веса.

Горячий пот заливал мне глаза. Скорее! Прошло уже не тридцать секунд, а, наверное, пятьдесят. Человечек ждал меня, высунувшись из люка по пояс, и его лицо не выражало ничего, кроме отчаяния.

– Да быстрее же! – закричал он страдальчески, увидев меня. – Полезайте!

Я перевел дух. Все-таки он рискнул дожидаться меня, не стартовал. Хороший, наверное, человек.

– Примите горшки, – сказал я, просовываясь в люк. – Только осторожно, не тряхните их случайно. Ставьте их вон туда, на кресло. Вот-вот, сюда. Да осторожнее же, черт!.. Что там у вас – портфель? Поставьте-ка его на пол. Вот так.

Я подал ему второй горшок. Пришлось прикрикнуть на него, чтобы он не трясся. Помоему, он уже жалел, что связался со мной, отсчитывал в уме секунды и прощался с жизнью.

– Теперь ванночку, – скомандовал я. – Быстрее! Подберите ноги, поставим ее на пол. Хватайте же, ну!

Этого человек не выдержал.

– Какая еще ванночка, – завизжал он на высокой ноте, – если мы сейчас погибнем! Бросьте ее! Да бросьте же, идиот! Все равно она не пройдет в люк!..

Бросить ванночку, ха! Ляпнуть такое мог только дремучий невежда в вопросах разведения конусоидов, которому в определенных ситуациях лучше помалкивать и не вмешиваться в действия специалистов. Еще несколько секунд я, закусив губу, пытался протиснуть ванночку в люк – и прямо, и боком, и по-всякому, пока не понял, что мои усилия бесполезны, – и каждая упущенная секунда могла оказаться для нас последней. Человек рыдал. Сирена продолжала выть – надрывно, стонуще. Лайнер летел навстречу катастрофе.

Горстями я швырял в люк баллончики, пипетки, иглы – все, что смог запихнуть в ванночку. Скорее! Нужно успеть! Нужно!!.. И я успел запрыгнуть в люк, как мне показалось, в последнюю секунду, и тут же человек взвился и, издав громкий всхлипывающий звук, изо всех сил дернул рычаг старта. Меня толкнуло: вельбот дрогнул и медленно заскользил по магнитным рельсам. Обратный путь был отрезан. Мы были спасены: теперь уже ничто не могло нас остановить, разве что прямое попадание метеорита в эвакуационный кингстон. Более того, я спас свои конусоиды!

Впрочем, спас ли еще? Не факт. Вытирая с затылка обильный пот, человек с изумлением смотрел, как я устраиваю свои горшки на противоперегрузочном кресле и фиксирую их ремнями. Конечно, кресло не спасет ростки от толчков, но и не даст им погибнуть сразу же. А это пока главное.

Едва я успел закрепиться сам, как нас рвануло вбок – спасательные вельботы пассажирских судов, в отличие от разведывательных ракет крейсеров, выстреливаются не вперед, а в сторону. Глухо чавкнул кингстон, и мы увидели звезды, а на левом экране возникло громоздкое тело лайнера, медленно удаляющееся в пространство – вельбот уходил в сторону от линии соприкосновения с таящейся впереди опасностью. Затем заработали носовые двигатели торможения, и мы бестолково забились в ремнях безопасности, с опозданием осознав, что наш вельбот оказался устаревшей моделью без поворотных кресел. Хотелось ругнуться: держат же подобную заваль на лайнерах, рекламируемых как первоклассные! – но и ругнуться я не мог, а на соседнем кресле схваченный ремнями человек пучил налитые глаза, как недоваренный рак, и задыхался. Ладно, мы-то выдержим, главное то, что конусоидам абсолютно безразлично, повернуто кресло или не повернуто. Им плохо в любом случае.

Уф-ф! Кажется, спасены. Лайнер проскочил мимо нас, как пустынный смерч мимо залегшего верблюда. Через две секунды он был уже далеким светлым пятном, уходящим в черноту; через пять секунд он стал похож на яркую звезду, быстро теряющую блеск, потом на тусклую искорку, едва заметную среди тысяч других звезд. Наконец звездочка погасла совсем.

И мы остались одни.

Минут тридцать мы всматривались в черноту, с замиранием сердца ожидая вспышки, похожей на вспышку сверхновой, в той части неба, куда ушел лайнер, но вспышки все не было. Если бы мои мысли не были столь заняты ростками, то наверняка я понял бы гораздо раньше, что ее и не должно было быть. Но в тот момент я ощутил всего лишь осторожное сомнение.

А космос вокруг нас был пуст и к нам безразличен.

– Но где же другие вельботы? – спросил я. Вопрос был резонным: по идее, с терпящего бедствие лайнера спасательные суденышки должны сыпаться как горох. Не может быть,

чтобы абсолютно все пассажиры оказались такими же беспечными олухами, как мои соседи. Тут что-то было не так.

– Послушайте, – сказал я не очень уверенно. – Могу я полюбопытствовать: почему вы, собственно говоря, решили, что это была не обычная учебная тревога? Вам встретился кто-нибудь из экипажа?

Человечек оторвался от экрана, откинулся на спинку кресла и сложил пухлые ручки на животе. От его отчаяния не осталось и следа. Клянусь, более самоуверенного и самодовольного человека я еще не видел. Он смотрел на меня с видом явного превосходства.

– Я его почувствовал, – изрек он, противно улыбаясь. – До него оставался миллиард километров, но я его все равно почувствовал. В первый раз у меня получилось, – он сиял гордостью. – Вы должны меня благодарить за то, что спаслись, потому что мы оба наверняка погибли бы, если бы я его не почувствовал...

– Кого? – спросил я, начиная подозревать неладное.

– Метеорит, – радостно сообщил он. – Очень крупный обломок, почти астероид. Мы шли прямо на него, но теперь, конечно, для нас опасность уже позади...

– Постойте-постойте! – загорячился я. – Как это? Что это значит – «почувствовал»? Как вы могли почувствовать метеорит за миллиард километров? Это что, камень под ногами? Вы соображаете, что говорите? Или нет? В конце концов, существуют же для чего-то следящие локаторы или как их там?

– Существуют, – признал человечек все с тем же отвратительным тоном превосходства. – Конечно, существуют. Но на этот раз либо ошиблись они, либо ошибся корабельный мозг, поэтому вам повезло, что среди пассажиров оказался человек со способностями, которые в скрытом виде дремлют в каждом из нас и нуждаются лишь в должном развитии. Я имею в виду ясновидение, ридинг-эффект. Вы, я вижу, не в курсе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.